

прекариат:

НОВЫЙ

ОПАСНЫЙ

КЛАСС

гай стэндинг

Гай Стэндинг

**Прекариат: новый  
опасный класс**

«Ад Маргинем Пресс»

2011

## **Стэндинг Г.**

Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг — «Ад Маргинем Пресс», 2011

Книга британского социолога Гая Стэндинга исследует один из самых болезненных вопросов современности – повсеместное распространение нового класса, который, с одной стороны, играет исключительно важную роль в производстве как материальных, так и нематериальных ценностей, а с другой – оказывается лишенным большинства социальных и политических прав и гарантий: участия в выборах, стабильной зарплаты и страхового медицинского обслуживания, оплачиваемого отпуска, доступа к образованию и т. п. Прекариат (от англ. precarious – ненадежный) неуклонно растет численно и включает в себя все новые страны и формы социальной жизни; его черты можно увидеть и в российской повседневности (временные рабочие-мигранты, стажеры, фрилансеры, работники креативных индустрий). Осознать заботы и проблемы «нового опасного класса» и понять возможные пути их решения – одна из главных задач нашего времени.

© Стэндинг Г., 2011

© Ад Маргинем Пресс, 2011

## Содержание

|                                                      |    |
|------------------------------------------------------|----|
| Предисловие                                          | 6  |
| Список встречающихся в тексте графических сокращений | 8  |
| 1                                                    | 10 |
| Прекариат волнуется                                  | 11 |
| Прекариат провоцируют                                | 14 |
| Дитя глобализации                                    | 16 |
| Что такое прекариат                                  | 18 |
| Труд, работа, игра и досуг                           | 24 |
| Виды прекариата                                      | 25 |
| Прекариатизация                                      | 28 |
| Конец ознакомительного фрагмента.                    | 30 |

# **Гай Стэндинг**

## **Прекариат: новый опасный класс**

© Guy Standing, 2011

© Нина Усова, пер., 2014

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2014

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС» / IRIS Art Foundation, 2014

## Предисловие

Эта книга – о новой группе людей, появившейся на мировой арене, о классе, который пока еще находится в процессе становления. В связи с этим в данной работе дается попытка ответить на пять вопросов: что это за класс? Почему нас должен беспокоить его рост? Почему он растет? За счет кого он пополняется? И к чему это все может привести?

Последний вопрос особенно важен. Существует опасность, что, если мы не поймем сути и назначения прекариата, для общества все это может закончиться политикой ада. И это не просто предположение, а вполне реальный и малоприятный прогноз. Избежать этого можно лишь в том случае, если прекариат станет классом «для себя», с эффективным представительством, и окажется достаточно силен, чтобы сформировать новую «политику рая», более-менее утопическую программу и стратегию, которую могли бы подхватить политики и так называемое гражданское общество, в том числе многочисленные неправительственные организации, которые слишком часто заигрывают с соответствующими полугосударственными организациями.

Пора осознать проблему мирового прекариата, и как можно скорее. В нем зреет недовольство и обеспокоенность. И хотя в данной книге больше говорится о роли прекариата как жертвы, а не освободителя, стоит сразу подчеркнуть, что было бы неверно рассматривать прекариат только как страдальцев. Многие примкнувшие к нему ищут чего-то лучшего, нежели то, что могло предложить им индустриальное общество и лейборизм двадцатого века. С тем же успехом их можно назвать не жертвами, а героями. И они уже показывают, что прекариат может стать предвестником «хорошего общества» двадцать первого века.

Ситуация такова, что, пока прекариат рос, скрытая реальность глобализации вышла наружу во время финансового кризиса 2008 года. Слишком долго откладывавшееся всемирное регулирование «окорачивает» страны с высоким уровнем доходов, а страны с низким – подтягивает. Если эти диспропорции, на которое большинство правительств в последние два десятилетия закрывали глаза, радикально не исправить, последствия могут оказаться весьма болезненными и взрывоопасными. Глобальная рыночная экономика может со временем поднять уровень жизни повсюду – это признают даже ее критики, – но лишь наивные мечтатели станут отрицать, что миллионам людей в мире она принесла лишь неуверенность в завтрашнем дне. И в первую очередь прекариату. Но он еще не обрел собственного голоса и не способен предъявить свою программу. Это не «ущемленный средний класс» (squeezed middle), не «низший класс» (underclass) и не «беднейший рабочий класс» (lower working class). Он уже осознает свою уязвимость по определенному ряду позиций и выдвинет столь же определенное число требований. Когда я только задумал писать эту книгу, я представил интересные меня темы на суд группы ученых, как выяснилось состоявшей преимущественно из пожилых академиков социал-демократических взглядов. Большинство из них отнеслись к моим идеям с насмешкой, заявив, что тут нет ничего нового. И сегодня для них способ решения проблем такой же, как и в дни их молодости. Нужно больше рабочих мест, больше достойных видов работ. Все, что мне остается ответить этим уважаемым людям, – что, по моему, прекариату от этого ни холодно ни жарко.

За помощь в подготовке данной книги следовало бы поблагодарить многих и каждого по отдельности. Однако я хочу выразить благодарность группам студентов и активистов, слушавших мои доклады в шестнадцати странах, которые я объездил, собирая материал для книги. Остается надеяться, что их советы и вопросы нашли отражение в данной работе. Ведь автор книг, подобной этой, лишь посредник, передающий идеи других.

*Гай Стэндинг*  
*Ноябрь 2010 г.*

## Список встречающихся в тексте графических сокращений

AARP

American Association of Retired Persons – Американская ассоциация пенсионеров (ААП)

AFL–CIO

American Federation of Labor – Congress of Industrial Organizations – Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов

BBVA

Banco Bilbao Vizcaya Argentaria – международная финансовая группа

BIEN

Basic Income Earth Network – Всемирная сеть базового дохода (организация сторонников экономической модели «безусловного базового дохода»)

CBT

Cognitive behavioural therapy – когнитивно-поведенческая терапия

CCT

Conditional cash transfer – Программа обусловленных денежных пособий

CIA

Central Intelligence Agency – Центральное разведывательное управление США (ЦРУ)

CRI

Crime Reduction Initiatives – Программа по сокращению преступности (в Англии и Уэльсе)

EHRC

Equality and Human Rights Commission (UK) – Комиссия по равенству и правам человека (Великобритания)

EU

European Union – Евросоюз GCSE General Certificate of Secondary Education – аттестат о среднем образовании (*брит.*)

IMF

International Monetary Fund – Международный валютный фонд (МВФ)

LIFO

Last-in, first-out – ЛИФО, «последним поступил – первым вышел» [метод увольнения, в том числе при сокращении штатов или определении очередности увольнения на пенсию, при котором первыми увольняются работники с наименьшим стажем работы в данной компании. А также метод оценки и учета запасов компании или портфеля ценных бумаг, при

котором подразумевается, что первыми потребляются товары или продаются ценные бумаги, поступившие (купленные) последними]

#### NIC

Newly industrialising country – новая индустриальная (новая промышленно развитая) страна (страна, которая еще не приобрела статуса развитой страны, но благодаря высоким темпам роста за относительно короткий срок достигла достаточно высоких объемов промышленного производства и доходов на душу населения; такие страны по классификации международных организаций продолжают относиться к категории «развивающиеся», но выделяются в особую подгруппу; к этому типу традиционно относят Гонконг, Сингапур, Малайзию, Тайвань, Южную Корею, а иногда также Аргентину, Бразилию, Мексику и ряд других стран)

#### OECD

Organisation for Economic Cooperation and Development – Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)

#### RMI

Revenu minimum d'insertion – гарантированное законом минимальное пособие для лиц, не имеющих средств к существованию

#### SEWA

Self-Employed Women's Association of India – Индийская ассоциация самостоятельно занятых (работающих не по найму) женщин

#### UKBA

UK Border Agency – Служба пограничного контроля (и иммиграции) Великобритании

#### UMP

Union pour un Mouvement Populaire – Союз за народное движение (СНД), правоцентристская либерально-консервативная политическая партия во Франции

# 1

## Прекариат

В 1970-е годы умами политиков завладела группа идейно настроенных экономистов. Главный принцип их неолиберальной модели состоял в том, что экономический рост и развитие зависят от рыночной конкурентоспособности и нужно сделать все для максимального повышения соревновательности и конкуренции так, чтобы рыночные принципы проникли во все аспекты жизни.

Считалось, помимо всего прочего, что следует повысить гибкость, или подвижность, рынка труда, а это значило переложить бремя рисков на плечи работающих и их семей, делая их еще более уязвимыми. В результате возник класс мирового «прекариата», насчитывающий в разных странах много миллионов людей, не имеющих якоря стабильности. Они-то и стали новым, потенциально опасным, классом. Они охотно прислушиваются к самым вздорным призывам и готовы отдать свои избирательные голоса и денежки на создание и укрепление политической платформы для этих смутьянов. Сам успех неолиберальной программы, в той или иной степени проводившейся правительствами разных стран, породил – пока еще в зачаточном виде – политическое чудовище. И нужно что-то предпринять, пока это чудовище не окрепло и не показало всю свою мощь.

## Прекариат волнуется

Первого мая 2001 года в центре Милана 5000 человек, в основном студенты и молодые политические активисты, вышли на альтернативную демонстрацию, задуманную как марш протеста. К 1 мая 2005 года их ряды заметно возросли, их уже насчитывалось более 50 тысяч – а по некоторым оценкам, более 100 тысяч, – а так называемый EuroMayDay («Европервомай») стал общеевропейским: в этот день сотни тысяч людей, в основном молодежь, вышли на улицы городов во всей континентальной Европе. Эти демонстрации стали первыми вспышками волнений мирового прекариата.

Стареющим профсоюзным деятелям, которые обычно «дирижировали» первомайскими мероприятиями, оставалось лишь удивляться, глядя на скопище новых демонстрантов, чьи требования свободы миграции и универсального базового дохода имели мало общего с традиционным тред-юнионизмом. Профсоюзы видели разрешение проблемы «незащищенного труда» в возвращении к лейбористской модели, отлично служившей им для консолидации в середине двадцатого столетия: это более стабильные рабочие места с долгосрочными гарантиями занятости и соответствующими заманчивыми привилегиями. Но многие юные демонстранты на примере своих родителей видели, что значит жить по фордистскому образцу: тянуть лямку от зари до зари и целиком зависеть от промышленного менеджмента и диктата капитала. И, даже не имея связанной альтернативной программы, они не выказывают ни малейшего желания возрождать лейборизм.

После первых выступлений в Западной Европе «Европервомай» вскоре принял глобальный характер, причем тон явно задавала Япония. Вначале это было молодежное движение, к которому примкнули недовольные образованные европейцы, дезориентированные конкурентно-рыночным (то есть неолиберальным) курсом Евросоюза, который призывал их к трудовой занятости, мобильности и быстрому обогащению. Но их изначальный европоцентризм вскоре уступил место интернационализму, как только они увидели: их незавидное и во многом уязвимое положение связано с тем, что происходит во всем мире. И в демонстрациях прекариата все активнее участвуют мигранты.

К движению примкнули и люди с нетрадиционным образом жизни. И все это время существовало некое противоречие между прекариатом как жертвой, наказываемой и демонизируемой социальными институтами и политиками мейнстрима, и прекариатом – героем, отвергающим эти институты согласованным актом интеллектуального и эмоционального неповиновения. К 2008 году европервомайские демонстрации своей численностью затмевали колонны профсоюзных активистов, марширующих по улицам в этот весенний день. И хотя особого внимания широкой общественности и политиков они не привлекли, все же это означало большой шаг вперед.

В то же самое время двойственное восприятие: как жертвы и как героя – привело к недостаточной слаженности. Следующей проблемой стала невозможность сосредоточиться на борьбе. Кого или что считать врагом? Все великие общественные движения в истории человечества были в той или иной степени классово обоснованными. Одна группа, объединенная общими интересами (или несколько групп), вела борьбу с другой, которая ее эксплуатировала или притесняла. Обычно боролись за контроль над существующими средствами производства и распределения. Прекариату, из-за его разношерстности, похоже, не доставало ясного представления о том, что это за средства и где их искать. Его столпами-мыслителями были Пьер Бурдьё, предложивший понятие прекариата как нестабильного, незащищенного общественного слоя (Bourdieu, 1998), Мишель Фуко, Юрген Хабермас, а также Майкл Хардт и Тони Негри, чей эпохальный совместный труд «Империя» (Hardt, Negri, 2000) стал продолжением и развитием идей Ханны Арендт (Arendt, 1958). Были также отголоски беспо-

рядков 1968 года, связавшие прекариат с франкфуртской школой «Одномерного человека» Герберта Маркузе (Marcuse, 1964).

Это было раскрепощение на уровне разума – осознание общего чувства незащищенности. Но от простого понимания никакой «революции» не бывает. До праведного гнева было еще далеко. А все потому, что не было выработано никакой политической программы или стратегии. Нехватка программных ответных мер стала очевидна при поиске символов, она проявилась и в диалектическом характере внутренних дебатов и трениях внутри прекариата, которые до сих пор продолжаются и никак не кончатся.

Лидеры евромайских протестов сделали все, что было в их силах, чтобы «замазать» разногласия в буквальном смысле слова: как на их листовках и плакатах. Некоторые делали акцент на общности интересов у мигрантов и остальных групп (*migranti e precarie* – гласила надпись на плакате «Европервомай» в 2008 году), а также у молодежи и людей старшего поколения, чьи образы трогательно поместили рядом на берлинском евромайском плакате 2006 года (Доегг, 2006).

Но как левацкое либертарианское движение оно еще далеко от того, чтобы наводить страх или вызывать интерес со стороны. Даже самые рьяные его приверженцы согласятся, что демонстрации до сих пор представляли собой скорее театральное зрелище, нежели угрозу, делая акцент на индивидуальности и самоидентификации на фоне коллективного «прекариатского» опыта – нестабильности и незащищенности. Говоря на языке социологии, публичные выступления просто демонстрировали то, что люди гордятся своим субъективным опытом нестабильности. На одном европервомайском плакате, сделанном для парада в Гамбурге, сливаются в одну четыре бунтарские фигуры: дворник, сиделка, беженец или мигрант и так называемый творческий работник (вероятно, прообразом был художник, рисовавший этот плакат). На главном плане – хозяйственная сумка как красноречивый символ современного кочевничества в глобализирующемся мире.

Символы важны. Они помогают объединять группы во что-то большее, нежели скопище посторонних. Они помогают выковывать класс и укреплять самосознание, способствуют осмыслению общего и закладывают основы солидарности, или *fraternité* – братства. Как осуществить переход от символов к политической программе – именно об этом данная книга. В своей эволюции прекариату как проводнику «политики рая» еще предстоит перейти от театра и визуальных идей эмансипации к набору требований, которые всерьез озаботят государство, а не просто озадачат или разозлят его.

Примечательной особенностью европервомайских демонстраций была карнавальная атмосфера, с танцевальными ритмами сальсы и юмористическими, шутовскими плакатами и речами. Многие из акций, связанные с готовившими их неуправляемыми организационными каналами, были анархическими, безрассудными, не ставили какую-то определенную цель и не несли в себе социальную угрозу. В Гамбурге участникам давали советы, как зайцем ездить на автобусе и не платить за билет в кино. В 2006 году в одной такой акции, которая с тех пор вошла в предания, группа из двух десятков юнцов в карнавальных масках, называющие друг друга странными кличками вроде Спайдер-Мумия, Мультифлекс, Опера-Историкс и Санта-Гевара, ввалились среди бела дня в магазин деликатесов. Нагрузив тележку дорогими продуктами и напитками, сфотографировались возле них и ушли, оставив кассирше цветок с запиской, объясняющей, что они производят такую роскошь, а сами и не имеют возможности ею пользоваться. Этот эпизод – пример того, как жизнь повторяет искусство, поскольку акция была навеяна фильмом «Воспитатели».<sup>1</sup> Эту группу, назвавшую себя «Банда Робин

<sup>1</sup> «Воспитатели» (нем. “Die fetten Jahre sind vorbei”) – фильм режиссера Ханса Вайнгартнера, вышедший на экраны в 2004 году. (Здесь и далее примеч. ред.)

Гуда», так и не поймали. Они разместили в Интернете объявление, что раздадут еду стажерам, которых причислили к самым эксплуатируемым незащищенным работникам в городе.

Вряд ли они рассчитывали приобрести сторонников или повлиять на основную часть общества, однако шутовские выходки групп вроде этой вызывают в памяти исторические аналогии. Вероятно, мы находимся на такой стадии эволюции прекариата, когда все те, кто выступает против его главных признаков – неуверенности в жилье, в работе, в социальной защите, – сродни «примитивным бунтарям», появлявшимся в период всех великих общественных трансформаций, когда прежние социальные привилегии отбирали, а общественный договор разрывали и отбрасывали как ненужный сор. Робин Гуды были всегда, как отметил Эрик Хобсбаум в своей знаменитой книге «Простые бунтовщики» (Hobsbawm, 1959). Обычно они появлялись в периоды, когда связанная политическая стратегия, выражающая интересы нового класса, только еще формировалась.

Те, кто принимает участие в парадах «Европервоям» и сопутствующих акциях в разных частях планеты, – это лишь самая верхушка прекариата. Есть более глубинная его часть, живущая в страхе и неуверенности. Большинство этих людей не отождествляют себя с участниками европервомайских демонстраций. Но это не отменяет того, что они тоже прекариат. Они плывут по жизненному морю без руля и без ветрил, но в какой-то момент могут дать волю гневу и метнуться в любую сторону – от политически крайне правых до крайне левых, поддерживая популистскую демагогию, которая играет на их страхах или фобиях.

## Прекариат провоцируют

В 1989 году город Прато, недалеко от Флоренции, был почти на сто процентов итальянским. В течение ряда столетий он являлся крупным центром текстильной и швейной промышленности. Из 180 тысяч его жителей большинство были связаны с этими предприятиями, и так продолжалось на протяжении нескольких поколений. Этот тосканский город, верный традиционным ценностям, был в политическом плане стабильно левым и казался воплощением социальной солидарности и умеренности.

В тот год в Прато прибыла группа из 38 китайских рабочих. И вскоре стали появляться швейные предприятия нового типа: их владельцами были китайские иммигранты и несколько итальянцев, завязавших с ними контакты. Они стали завозить все больше и больше китайских рабочих, многие приезжали без рабочей визы. Но на это смотрели сквозь пальцы: они вносили свой вклад в экономическое процветание и не претендовали на общественное финансирование, поскольку не получали никаких социальных пособий. Так они и жили сами по себе, кучкуясь возле китайских фабрик и образовав там своего рода анклав. Большинство из них были земляки – они приехали из приморского города Вэньжоу провинции Чжэцзян, местности с давней историей предпринимательской миграции. Как правило, они приезжали в Италию через Франкфурт по трехмесячной туристической визе, а когда срок визы истекал, продолжали работать тайно – оказываясь таким образом в уязвимом положении и, что не удивительно, подвергаясь эксплуатации.

К 2008 году в Прато было зарегистрировано 4200 китайских фирм и 45 тысяч китайский рабочих, что составило пятую часть населения города (Dinmoge, 2010a, 2010b). Они производили в день 1 миллион единиц готового платья – по подсчетам муниципальных властей, достаточно, чтобы за 20 лет одеть все население земного шара! Тем временем местные итальянские фирмы, чей бизнес потеснили китайцы, в условиях нарастающей конкуренции с Индией и Бангладеш стали в массовом порядке высвобождать рабочую силу. К 2010 году у них числилось 20 тысяч работников, на 11 тысяч меньше, чем в 2000-м. Мельчая, фирмы все чаще переводили сотрудников с постоянной работы на сдельную.

Затем случился финансовый шок, затронувший Прато точно так же, как и другие старинные промышленные районы Европы и Северной Америки. Банкротства следовали одно за другим, рос уровень безработицы, недовольство переходило в возмущение. Всего за несколько месяцев левых политиков отеснила от власти ксенофобская Лига Севера. Она сразу же начала наступление на китайцев, организуя ночные рейды на их фабрики и в подпольные цеха, сгоняя бесправных китайцев и обвиняя их во всех несчастьях. А в это время политический союзник Лиги премьер-министр Сильвио Берлускони заявлял во всеуслышание о своих намерениях победить «армию зла», как он называл нелегальных мигрантов. Потрясенный посол КНР поспешил покинуть Рим, заметив, что все это становится похоже на события времен нацизма 1930-х годов. При этом, как ни странно, китайское правительство не спешило забирать мигрантов обратно.

Но проблемы создавали вовсе не местные фанатики, недолголюбивающие чужаков. Много зависело и от самого китайского анклава. Пока старинные фабрики Прато старались выжить в конкурентной борьбе, вынуждая итальянских работников искать альтернативные источники дохода, иммигранты создали общину внутри общины. По имеющимся сведениям, «исход» из Китая организовала китайская мафия, она же и руководила анклавом, хоть ей и приходилось бороться за это с преступными группировками из России, Албании, Нигерии и Румынии, а также с итальянскими мафиози. Ее влияние не ограничивалось одним лишь Прато. Китайские преступные группы были связаны с китайскими компаниями, занимаясь инвестированием в строительство инфраструктурных объектов в Италии, в том числе они

предложили многомиллионный проект «китайского терминала» рядом с портом Чивитавеккья.

Прато стал символом глобализации и дилемм, возникших в связи с ростом прекариата. По мере распространения китайских подпольных «рабских» фабрик итальянцы утрачивали роль пролетариев и вынуждены были переходить в прекариат, довольствуясь нестабильной работой или вовсе оставались без работы. Понятно, что местные власти стали вымещать обиду на мигрантской части прекариата, которая была к тому же зависимой от сомнительных связей внутри анклава. Но опыт Прато вовсе не уникальный, он лишь показывает обратную сторону глобализации.

## Дитя глобализации

В конце 1970-х годов упрочившая свое положение группа ученых социал-экономистов, которых впоследствии стали называть неолибералами и либертарианцами (хотя это не одно и то же), поняла, что после десятилетий небрежения к их мнению стали наконец прислушиваться. Многие из этих теоретиков были еще достаточно молоды: их не затронула Великая депрессия, они не были приверженцами социал-демократической программы, которой так увлекались многие после Второй мировой войны.

Они не любили государство, которое отождествляли с централизованным правительством, с его аппаратом планирования и регулирования. Они представляли мир как все более и более свободное пространство, в котором инвестиции, трудовая занятость и прибыль свободно перетекают в такие места, где условия наиболее благоприятны. Они полагали, что, если европейские страны (в особенности) не откажутся от гарантий, созданных после Второй мировой войны для промышленного рабочего класса и бюрократического госсектора, и не «приручат» профсоюзы, ускорится деиндустриализация (понятие новое для того времени): возрастет безработица, замедлится экономический рост, инвестиции будут потрачены впустую, а обнищание масс усугубится. Это была отрезвляющая оценка ситуации. Они хотели крутых мер и в политиках вроде Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана обрели своего рода лидеров, согласных действовать в соответствии с их выкладками.

Трагедия заключалась в том, что, хоть их диагноз и был отчасти верен, их прогноз был слишком жестким. В течение последующих 30 лет трагедия осложнилась еще и тем фактом, что социал-демократические политические партии, построившие систему, которую неолибералы хотели сломать, после недолгих споров относительно диагноза неолибералов в конце концов, хоть и не очень охотно, согласились и с их диагнозом и с прогнозом.

Одно неолиберальное требование, окончательно оформившееся в 1980-е, заключалось в том, что страны должны стремиться к «гибкости рынка труда». Если рынок труда не станет более гибким, затраты на оплату труда возрастут и корпорации будут переводить производство и инвестиции в места, где такие затраты меньше, и финансовый капитал будет инвестировать в эти страны, а не в «родные». Гибкость включала в себя много аспектов: гибкость заработной платы означала скорейшее приспособление к необходимым изменениям, особенно в сторону понижения; гибкость занятости – возможность для фирм быстро и без трат менять уровень занятости, тоже преимущественно в сторону понижения, причем с сокращением гарантий обеспечения занятости; гибкость должностей означала возможность перемещать наемных работников внутри фирмы (с одной должности на другую) и менять структуру должностей с минимальным сопротивлением или затратами; гибкость профессиональных навыков означала, что работника легко можно переучить.

По сути, гибкость, за которую ратовали ретивые неоклассические экономисты, означала, что наемных работников систематически будут ставить во все более уязвимое положение – под предлогом того, что это необходимая жертва ради сохранения капиталовложений и рабочих мест. Любой экономический регресс отчасти объясняли, справедливо или нет, негибкостью и отсутствием «структурных реформ» рынков труда.

По мере того как шел процесс глобализации и правительства и корпорации старались перегнать друг друга, делая свои трудовые отношения более гибкими, росло число людей с незащищенной формой занятости. Технологически это не было оправданно. С распространением гибкого труда усиливалось неравенство, и классовая структура, лежавшая в основе индустриального общества, уступила место чему-то более сложному, но явно не менее классово обоснованному. Мы еще поговорим об этом. Но политика меняется, и реакция корпораций на диктат глобализирующейся рыночной экономики привела к некой мировой тенден-

ции, которой вовсе не предвидели ни неолибералы, ни политические лидеры, проводившие их политику в жизнь.

Миллионы людей в условиях процветающей или даже зарождающейся рыночной экономики образовали прекариат – феномен совершенно новый, даже если он и имел какие-то смутные прообразы в прошлом. Прекариат не является частью «рабочего класса», или «пролетариата». Пролетариат – это сообщество, состоящее в основном из рабочих с долгосрочной стабильной занятостью, с фиксированным рабочим днем и определенными возможностями продвижения по службе. Пролетарии могут вступать в профсоюзы и заключать коллективный договор, название их должности понятно их родителям, и они знают в лицо всех местных работодателей.

Многие из тех, кого мы называем прекариатом, ни разу не видели своего работодателя, не имеют понятия, сколько сотрудников на него работают сейчас и сколько еще он намерен нанять в будущем. Прекариат нельзя отнести также и к среднему классу, поскольку у этих людей нет стабильного или предсказуемого жалования, нет статуса и пособий, которые должны быть у представителей среднего класса.

В 1990-е годы все больше и больше людей, и не только в развивающихся странах, оказались в положении, которое экономисты и антропологи называли «неформальным». Вероятно, самим этим людям от такого определения не было никакой пользы – разве что оно позволяло увидеть на примере других, что считается нормальной жизнью и работой. На самом деле они не рабочий класс, не средний класс, и даже не «неформалы». Так кто же они? Немного понятнее станет, если охарактеризовать их положение как ненадежное, неустойчивое (англ. *precarious*). В аналогичном положении друг к другу находятся друзья, родственники и коллеги, потому что заранее неизвестно, останутся ли они таковыми по прошествии нескольких лет или даже месяцев либо недель. И часто это вовсе от них не зависит.

## Что такое прекариат

Что же мы имеем в виду, говоря о прекариате? Объяснить это можно двумя способами. Во-первых, можно сказать, что это такая социоэкономическая группа, к которой отдельный человек может принадлежать, а может и не принадлежать. Это полезно с точки зрения идей и анализа и дает нам возможность использовать, пользуясь выражением Макса Вебера, «идеальный тип». В таком ключе понятие «прекариат» следует определить как неологизм, образованный от двух слов: *precarious*<sup>2</sup> и хорошо знакомого всем «пролетариат». В данной книге этот термин часто употребляется именно в таком значении, хотя не всегда. Прекариат – это класс в процессе становления, если еще не класс «для себя» в марксистском понимании этого слова.

Мысля в категориях социальных групп, можно сказать, что, если не считать аграрные общества, эпоха глобализации привела к дроблению национальных классовых структур. По мере того как усиливалось неравенство, а мир приближался к гибкому открытому рынку труда, классы никуда не исчезли. Напротив, возникла более дробная мировая классовая структура.

«Рабочий класс», «рабочие» и «пролетариат» – понятия, прижившиеся в нашей культуре за несколько столетий. Люди могут охарактеризовать себя, пользуясь классовой терминологией, и другие их узнают по этим приметам: как они одеваются, разговаривают и ведут себя. Сегодня это почти что ярлык. Андре Горц давно уже писал о «конце рабочего класса» (Gorz, 1982). Другие продолжают ломать голову над значением этого термина и критериями классификации. Вероятно, на самом деле нам нужен новый словарь, отражающий классовые отношения в глобальной рыночной системе двадцать первого века.

Вообще говоря, пока в мире остаются старые классы, мы можем выделить семь групп. На самом верху – крошечная «элита», состоящая из небольшого числа невероятно богатых граждан мира, управляющих вселенной, у них на счетах миллиарды долларов, их имена в списке «Форбс», а также среди великих и заслуженных, они способны повлиять на любое правительство и делать широкие филантропические жесты. За этой элитой следует *салариат*,<sup>3</sup> все еще со стабильной полной трудовой занятостью, кое-кто из его представителей надеется дорасти до элиты, большинство же просто наслаждается положенными им благами, с пенсиями, оплаченными отпусками и корпоративными пособиями, зачастую субсидируемые государством. Салариат сосредоточен в крупных корпорациях, правительственных учреждениях и в органах государственного управления, включая гражданскую службу.

Рядом с *салариатом*, не только в прямом смысле слова, находится не столь многочисленная пока что группа *profitians* – «квалифицированные кадры». Этот новый английский термин образован от двух слов: *professional* («профессионал») и *technician* («технический специалист»). Это люди, имеющие ряд навыков, которые они успешно выставляют на рынок и много зарабатывают в качестве консультантов или независимых специалистов по контракту, работая на себя. «Квалифицированные кадры» все равно что йомены, рыцари и сквайры в Средние века. Они живут в ожидании нового и в вечном движении, им не нужна долгосрочная, полная занятость на каком-то одном предприятии. «Стандартные трудовые отношения» не для них.

Чуть ниже «квалифицированных кадров» с точки зрения дохода находится все уменьшающееся «ядро» работников физического труда, костяк старого «рабочего класса». Именно о них думали в первую очередь, когда строили государства с развитой социальной системой,

---

<sup>2</sup> В переводе с английского означает «нестабильный», «неустойчивый».

<sup>3</sup> От англ. *salary* – зарплата.

а также систему регулирования трудовых отношений. Но батальоны промышленных рабочих, создававших рабочие движения, поредели и утратили чувство социальной солидарности.

А еще ниже этих четырех групп – растущий прекариат, рядом с которым – армия безработных и обособленная группа социально обездоленных, живущая подаянками общества. Характер этой неоднородной классовой структуры рассматривается в другой книге (Standing, 2009). Здесь же пойдет речь только о прекариате.

Социологи обычно оперируют понятиями социальной стратификации, предложенными Максом Вебером, – это «класс» и «статус», где класс определяется общественными отношениями по поводу производства и местом человека в процессе труда (Weber, [1922] 1968). Внутри рынков труда, если оставить в стороне работодателей и лиц, работающих на себя, главное отличие делалось между наемными рабочими и служащими, получающими жалованье: первая из вышеназванных групп включала в себя работающих сдельно и с повременной оплатой, по схеме «деньги за старание», а вознаграждением последней было доверие и компенсации за услуги (Goldthorpe, 2007, Vol. 2, Ch. 5; McGovern, Hill, Mills, 2008, Ch. 3). Считалось, что служащие (салиариат) всегда ближе к менеджерам, боссам и владельцам, тогда как наемные рабочие, по сути, отчуждены (от средств производства), должны соблюдать дисциплину, субординацию, для них существуют разного рода поощрения и санкции.

По контрасту с классом понятие статуса ассоциировалось с родом занятий человека, более статусные занятия – те, что ближе к услугам специалистов, менеджменту и администрации (Goldthorpe, 2009). Трудность в том, что в большинстве профессий существуют подразделения и иерархии, подразумевающие самые разные статусы.

В любом случае, когда идет речь о прекариате, такое деление на наемных рабочих и служащих, а также деление в зависимости от рода занятий совершенно не подходит. У прекариата *классовые* характеристики. Он состоит из людей, пользующихся минимальными доверительными связями с капиталом или государством, так что он совсем не похож на салиариат. И в отличие от пролетариата он не имеет никаких отношений общественного договора, обеспечивающего гарантии труда в обмен на субординацию и определенную лояльность – неписаное правило, лежащее в основе социального государства. Без договора о доверии или гарантиях в обмен на субординацию прекариат как класс стоит особняком. С точки зрения *статуса* у него тоже странное положение, поскольку он четко не вписывается в рамки высокостатусных профессиональных или среднестатусных ремесленных занятий. Единственное, что можно о нем сказать, – что прекариат имеет «урезанный статус». И как мы вскоре увидим, его структура «общественного дохода» четко не вписывается в старые представления о классе или профессии.

На примере Японии мы можем ясно увидеть проблемы, с которыми сталкиваются студенты из прекариата. В Японии был относительно низкий уровень неравенства доходов (что делало ее «хорошей страной», согласно Уилкинсону и Пикетту (Wilkinson, Pickett, 2009)). Но неравенство имеет глубокие корни с точки зрения статусной иерархии, и оно только усилилось с ростом прекариата, тяжелое экономическое положение которого недооценивается по современным показателям неравенства доходов. Более высокое статусное положение в японском обществе влечет за собой ряд поощрений, обеспечивающих социо-экономическую защищенность, а она гораздо ценнее, чем можно предположить, если измерять по одним только денежным доходам (Kerbo, 2003: 509–512). Прекариат лишен всех этих поощрений, вот почему неравенство доходов так серьезно недооценивалось.

Описательное понятие «прекариат» впервые употребили французские социологи в 1980-е годы, говоря о временных или сезонных рабочих. В данной книге используется другое значение, однако статус временного работника включает в себе главную характери-

стику прекариата. Нужно только помнить, что контракт на временную работу не всегда то же самое, что выполнение временной работы.

Некоторые пытаются создать положительный образ прекариата, представляя его олицетворением такого романтического вольнолюбивого духа, отвергающего нормы погрязшего в стабильной работе старого пролетариата, а заодно и буржуазный материализм «белых воротничков» на жалованье. О свободолюбивом отрицании и нонконформизме не следует забывать, поскольку оно действительно относится к прекариату. Но в борьбе молодых и даже немолодых против диктата субординированного труда нет ничего нового. Относительно новое – то, что занятия и стиль работы прекариата перенимают «старики», делая такой выбор после долгого периода стабильной работы. О них мы еще поговорим отдельно.

Войдя в массовый обиход, слово «прекариат» обогатило разными оттенками смысла. В Италии понятие *precariato* гораздо шире и относится не просто к людям, перебивающимся случайными заработками и мало получающим, а вообще к нестабильному образу жизни (Grimm, Ronneberger, 2007). В Германии прекариатом стали называть не только временных работников, но и безработных, не имеющих надежды на социальную интеграцию. Это близко к марксистскому понятию «люмпен-пролетариат», но в данной книге мы будем иметь в виду нечто другое.

В Японии это слово было равнозначно понятию «рабочая беднота», но в качестве конкретного термина его стали употреблять в связи с движением Японский первомай и так называемыми фритер-юнионами, состоящими из молодых активистов, которые требовали улучшения условий жизни и труда (Ueno, 2007; Obinger, 2009). Японские фритеры (в этом названии странным образом соединились английское слово “free” – «свободный» и немецкое “Arbeiter” – «рабочий») – это трудящаяся молодежь, которая вынуждена вести образ жизни временных рабочих.

Неправильно было бы приравнивать прекариат к рабочей бедноте или временным работникам, хотя оба эти понятия с ним соотносятся. Принадлежность к прекариату подразумевает также отсутствие надежной профессиональной самоидентификации, тогда как у рабочих, даже на малооплачиваемых должностях, имеются возможности для профессионального роста. Некоторые комментаторы связывали это с отсутствием контроля над трудом прекариата. Но все не так просто, поскольку существует несколько аспектов работы и труда, которые можно контролировать: уровень навыков и их применение, количество времени, необходимое для выполнения работы, график работы, интенсивность труда, оборудование, сырье и т. п. И есть несколько типов контроля и контролирующего, это не только начальник или менеджер, стоящий над рабочим или служащим.

Конечно, утверждать, что прекариат состоит из людей, над трудом которых нет никакого контроля, было бы чересчур категорично, поскольку всегда есть вторая сторона и подразумевается неявный договор относительно нагрузки, степени сотрудничества и применения навыков, а также остается возможность для саботажа или неэкономного расходования рабочей силы. Однако аспекты контроля имеют отношение к анализу тяжелого положения прекариата.

Вероятно, не менее интересный подход в определении прекариата связан с так называемым статусным диссонансом. Люди с относительно высоким уровнем образования, вынужденные соглашаться на работу по статусу или доходу ниже того, на что они могли рассчитывать исходя из своей квалификации, часто страдают от статусного диссонанса. Это чувство было преобладающим у молодежного японского прекариата (Kosugi, 2008).

Но для нас гораздо важнее то, что прекариат состоит из людей, которые лишены некоторых гарантий, связанных с работой. Перечисленные ниже семь видов гарантий социал-демократы, рабочие партии и профсоюзы со времен Второй мировой войны включают в программу «индустриального гражданства» для рабочего класса, или промышленного пролета-

риата. Не каждому человеку из прекариата нужны все эти семь гарантий, однако по каждой из этих позиций прекариат находится в невыигрышном положении.

### **Виды трудовых гарантий при «промышленном гражданстве»**

*Гарантии рынка труда* – адекватные возможности дохода (заработка); на макроуровне это выражается в приверженности правительств концепции «полной занятости».

*Гарантии занятости* – защита от самовольных увольнений, регулирование процесса найма и увольнения, взыскание штрафа с работодателя за несоблюдение правил и т. п.

*Гарантия рабочего места* – возможность и способность сохранить нишу в сфере занятости плюс барьеры против размывания границ между обязанностями и возможности «роста» в плане статуса и дохода.

*Охрана труда* – защита от несчастных случаев и заболеваний на работе, например соблюдение правил безопасности и санитарных норм, ограничение длительности рабочего дня, работы в неурочные часы, в ночное время для женщин, а также компенсация при несчастных случаях.

*Гарантии воспроизводства навыков* – возможность приобретать трудовые навыки посредством обучения специальности, трудового обучения и т. п., а также возможность использовать навыки и знания в пределах своей компетенции.

*Гарантия получения дохода* – уверенность в адекватном стабильном доходе, гарантией которого служит, например, минимальная оплата труда, индексация заработной платы, всеобщее социальное страхование, прогрессивный налог для уменьшения неравенства и компенсации низких доходов.

*Гарантии представительства* – возможность иметь коллективный голос на рынке труда, например через независимые профсоюзы, с правом на забастовку.

Когда речь заходит о слабых гарантиях занятости в современном обществе, больше всего внимания уделяют уязвимому положению безработных: мало долгосрочных контрактов, нет гарантий, защищающих от увольнения. Это понятно. Однако нестабильность рабочего места также является определяющим признаком.

Разница между гарантией занятости и гарантией рабочего места очень важна. Рассмотрим один пример. С 2008 по 2010 год 30 работников «Франс Телеком» (France Telecom) покончили жизнь самоубийством, в результате новым начальником сделали человека со стороны. Две трети из 66 тысяч сотрудников работали по трудовому соглашению гражданской службы с официальной гарантией занятости. Но из-за действий менеджмента они систематически оказывались в ситуации нестабильного рабочего места, диктовавшейся системой под названием «Пора двигаться», из-за которой им раз в несколько лет приходилось резко менять офисы и должности. Возникший в связи с этим стресс, как выяснилось, и стал причиной самоубийств. Так что незащищенность рабочего места кое-что значит.

В том числе она имеет значение и в государственной гражданской службе. Служащие подписывают трудовое соглашение, которое дает им завидные гарантии занятости. Но при этом они также соглашаются занимать должности по указке руководства – оно само решает, где и в каком качестве будет работать сотрудник. В жестком мире «руководства чело-

веческими ресурсами» и функциональной гибкости подобные передвижки могут оказаться крайне неприятными для конкретного работника.

Еще одна отличительная черта прекариата – это нестабильность дохода и структура доходов, отличная от той, что существует в других социальных группах. Это можно наглядно показать на примере идеи «общественного дохода». Люди везде и всюду, как правило, живут на доходы, которые они получают. Это может быть приток денег или другого дохода, в зависимости от того, что они или их семьи производят. Измерить его можно по тому, на что они могли бы рассчитывать в случае необходимости. Большинство людей в большинстве сообществ имеют несколько источников дохода, хотя некоторым приходится полагаться лишь на один.

Структуру общественного дохода можно условно разделить на шесть составных частей. Первая – это самообеспечение: еда, товары и услуги, производимые непосредственно для собственного потребления, обмена или продажи, сюда входит в том числе то, что человек может вырастить на огороде или на приусадебном участке. Вторая – это деньги в виде зарплаты или вознаграждения за труд. Третья – это цена поддержки, оказываемой семьей или локальным сообществом, часто в виде неформального взаимного страхования. Четвертая – это льготы и пособия предприятий, предоставляемые многим группам сотрудников. Пятая – государственные пособия, в том числе выплаты по социальному страхованию, социальная помощь, дискреционные дотации, субсидии, выплачиваемые непосредственно или через работодателей, и субсидируемые социальные услуги. И наконец, частные выгоды от сбережений и капиталовложений.

Каждую из них можно разделить на формы, которые более или менее стабильны или гарантированы, и те, которые определяют их общую ценность. Например, зарплата может быть фиксированной (на основе долгосрочного контракта), или переменной, или гибкой. Если один человек получает зарплату, которая гарантирует ему каждый месяц в ближайший год одинаковый доход, то ценность дохода, полученного в данном конкретном месяце, больше, чем то же денежное вознаграждение от зарплаты, которая зависит от превратностей погоды или неопределенного графика производства, сложившегося по воле работодателя. Точно так же государственные пособия можно разделить на универсальные, выдаваемые по правам «гражданства», страховые выплаты, которые зависят от ранее сделанных взносов и, таким образом, в принципе «обеспечены», и более произвольные перечисления, которые человек может получить, а может и не получить, – они зависят от обстоятельств, которые невозможно предугадать. Льготы предприятий делятся на такие, которые получает каждый работающий в фирме, – они зависят от статуса или прошлых заслуг – и произвольно предоставляемые. То же самое относится и к общественным пособиям, которые разделяются на две группы: те, за которыми в случае нужды можно обратиться к родным и близким, и те, что обычно ожидают от более широкого сообщества.

Прекариат можно идентифицировать по определенной структуре общественного дохода, которая подразумевает уязвимость, значительно перевешивающую все, что может нести с собой денежное вознаграждение, получаемое в данный конкретный момент. Например, в период ускоренной товаризации экономики какой-нибудь развивающейся страны новые социальные группы, многие из которых вливаются в прекариат, обнаруживают, что лишились традиционных общественных пособий, а льгот предприятий или государственных пособий не обрели. Они более уязвимы по сравнению с теми, кто имеет низкий доход, но пользуется традиционными видами общественной поддержки, и более уязвимы, чем служащие со стабильным жалованьем, у которых такой же денежный доход, но они имеют возможность пользоваться пособиями предприятий или государственными пособиями. Одна из характерных черт прекариата – не уровень зарплаты или вознаграждения, полученного в данный конкретный момент, но отсутствие общественной поддержки в случае нужды, отсут-

ствие гарантированных пособий и льгот от предприятия или государства и отсутствие частных выгод в дополнение к заработку. Последствия этого будут рассмотрены во второй главе данной книги.

Помимо незащищенности труда и незащищенности общественного дохода прекариату недостает *самоидентификации* на основе трудовой деятельности. Поступая на службу, эти люди занимают должности, менее перспективные в плане карьерного роста, без традиций социальной памяти, они не дают возможности почувствовать свою причастность к трудовому сообществу с устоявшейся практикой, этическими и поведенческими нормами, не дают чувства взаимной поддержки и товарищества.

Прекариат не ощущает себя частью солидаризованного трудового сообщества. От этого усиливается отчужденность и неуверенность в том, что следует делать. Действия и настроения этих людей из-за неопределенности скатываются к беспринципности. Над их поступками не маячит «тень будущего», позволяющая осознать, что все, что они говорят, делают или чувствуют сегодня, скажется на их долгосрочных отношениях. Прекариат понимает, что у всего, что он делает в настоящий момент, нет никакой проекции на будущее, как нет и самого будущего. Он не удивится, если завтра окажется «не у дел», и, почему знать, может, это не так уж и плохо, если подвернется другая работа или поманит очередной проект?

Прекариату не свойственна профессиональная самоидентификация, даже если некоторые его представители имеют профессиональную квалификацию и у многих из них есть должность с завидным названием. Для некоторых свобода заключается в том, чтобы не брать на себя никаких моральных или поведенческих обязательств, определяющих профессиональную принадлежность. В дальнейшем мы еще рассмотрим тип «городского кочевника» и в связи с ним – тип «резидента», не вполне «гражданина». И поскольку некоторые сознательно выбирают кочевую, странническую, а не оседлую жизнь, потому и не всех, кто входит в прекариат, следует причислять к жертвам. Тем не менее многие бы острее почувствовали свою незащищенность, если бы не имели реальной возможности бросить все и бежать.

## Труд, работа, игра и досуг

Историческими предшественниками прекариата были *банавсои* (βαναυσία) в Древней Греции, занимавшиеся производительным трудом для общества (в отличие от рабов, которые работали только на своих хозяев). Банавсои, которых высшие сословия считали «убогими телесно» и «вульгарными умственно», не имели возможности подняться по социальной лестнице. Они трудились наравне с *метеками* (μέτοικοι), получившими разрешение на жительство переселенцами-ремесленниками, которые считались неполноценными гражданами. Вместе с рабами эти две социальные группы выполняли всю необходимую работу, даже не надеясь, что когда-нибудь смогут участвовать в жизни *полиса*.

Древние греки лучше, чем нынешние правящие круги, понимали разницу между работой и трудом, между игрой и досугом, который они называли *школой*. Те, кто трудился, не были гражданами. Граждане были свободны от труда, они занимались *практиками* (πραξις), работали по дому или на придомовом участке вместе с семьей и друзьями. Это была деятельность по типу «воспроизводства», то есть работа ради самой работы, для укрепления профессиональных связей, которая сочеталась с публичным участием в жизни сообщества. Их общественное устройство было несправедливым, по нашим меркам, особенно в отношении женщин. Но древние греки понимали, что смешно и нелепо оценивать все с точки зрения труда.

В данной книге делается попытка показать, что главная цель в деле преодоления «негативной стороны» прекариата в наступившем двадцать первом веке – спасти работу, не являющуюся трудом, и досуг, не являющийся игрой. На протяжении двадцатого века акцент делался на увеличении числа людей, занятых трудом, при этом недооценивалась или вовсе упускалась из виду работа, которая трудом не является. Считается, что прекариат будет трудиться, как потребуются и когда потребуются, в условиях, как правило не зависящих от его собственного выбора. И еще – что он слишком занят игрой. Также от него ждут – и об этом мы еще поговорим в пятой главе – как можно больше «работы ради работы». Но о его досуге никто всерьез не думает.

## Виды прекариата

Если мы попытаемся найти общее определение для прекариата, то обнаружим, что он вовсе не однороден. Нельзя даже сравнивать подростка, заскакивающего в интернет-кафе ради временной подработки, и мигранта, которому нужно еще исхитриться, чтобы выжить, и он судорожно работает в Сети, постоянно думая о том, как бы его не засекла полиция. И никого из них нельзя сравнивать с одинокой матерью, которой приходится думать, где взять денег на продукты на следующую неделю, или с мужчиной за шестьдесят, которому нужна подработка, чтобы оплатить счета за лечение. Но у всех у них есть нечто общее – ощущение, что их работа вынужденная, случайная и ненадежная.

Для характеристики прекариата подходит еще одно слово – «житель страны», «резидент». Резидент – тот, кто по той или иной причине имеет меньше прав по сравнению с гражданином. Понятие резидента (англ. *denizen* – от лат. *de-intus*, то есть «изнутри») восходит ко временам Древнего Рима – обычно так называли иностранцев, которые имели право на проживание в стране и право заниматься своим обычным делом, но не получали полных гражданских прав.

Продолжая эту мысль, вспомним о ряде прав, которыми могут обладать люди: гражданские (равенство перед законом и право на защиту от преступлений и нанесения физического вреда), культурные (равные права на пользование учреждениями культуры и участие в культурной жизни сообщества), социальные (равные права претендовать на социальную защиту, в том числе пенсии и медицинскую помощь), экономические (равные права на деятельность с целью получения дохода) и политические (право избирать и быть избранным в органы государственной власти и участвовать в политической жизни сообщества). В мире растет число людей, лишенных по крайней мере одного из этих прав, и в этом смысле их следует отнести к резидентам, а не к гражданам, где бы они ни проживали.

Этот принцип можно проследить и в корпоративной жизни, где есть корпоративные граждане и разного рода резиденты. Салариат – это граждане, обладающие по меньшей мере имплицитным (подразумеваемым) правом голоса в фирме, распространяющимся на ряд решений и мер, которые другая группа граждан, акционеры и владельцы, как подразумевается, принимает, притом что имеет собственное эксплицитное право голоса по стратегически важным решениям в фирме. Прочие же связанные с корпорациями – временные, замещающие сотрудники, работающие по контракту и т. п. – это резиденты, с очень ограниченными полномочиями или правами.

Если посмотреть на мир шире, то большинство резидентов – это разного рода мигранты, и о них мы поговорим позже. Однако еще одна категория стоит особняком – широкий слой криминализованных лиц, осужденных. В эпоху глобализации резко возросло количество деяний, считающихся преступными. Людей, подвергшихся аресту и заключенных под стражу, становится гораздо больше, чем раньше, в связи с чем увеличивается число криминализованных лиц. Отчасти криминализация растет за счет мелких правонарушений, это и поведенческие реакции на схемы распределения социальной помощи, побуждающие людей к недобросовестности. Так, часто возникают ситуации, когда обездоленный понимает, что, сказав правду, лишь навредит себе, и поневоле нарушает какое-нибудь бюрократическое правило.

Временные работники, которым не светит карьера, мигранты, проживающие на территории страны, криминализованная беднота, люди, живущие на пособие, – их становится все больше. К сожалению, статистика занятости и экономическая статистика не предоставляют таких данных, чтобы можно было оценить общую численность прекариата, не говоря уже о численности разных входящих в него групп. Поэтому мы вынуждены составлять картину

на основе приблизительных данных. Мы рассмотрим далее основные группы, составляющие прекариат, помня о том, что не все они полностью вписываются в это понятие – и один характерный признак не обязательно указывает, что человек относится к прекариату.

Начнем с того, что многие из тех, кто оказался на временной работе, близки к прекариату, потому что у них слабее производственные отношения и ниже доход по сравнению с теми, кто выполняет аналогичную работу, а также мало перспектив в профессиональном плане. Число людей с временной привязкой к рабочему месту неимоверно возросло в эпоху гибкого рынка труда. В некоторых странах, таких как Великобритания, ограничительные толкования того, что считать временной работой, сделали невозможным установить число работающих без защиты занятости. Но в большинстве стран статистика показывает, что численность и доля трудовых ресурсов с временной занятостью за последние три десятилетия резко возросли. Особенно резким этот скачок был в Японии, где к 2010 году более трети трудовых ресурсов находились на временных рабочих местах, но, вероятно, их доля в общем рынке труда еще выше в Южной Корее, где по определенной причине более половины всех трудящихся заняты на временных, «нерегулярных» работах.

Хотя временная занятость указывает на то, что у человека, работающего на таких условиях, меньше перспектив карьерного роста, так бывает далеко не всегда. Действительно, так называемые квалифицированные кадры прекрасно живут за счет «проектов», переходя от одного краткосрочного проекта к другому. А долговременные контракты, по которым человек должен вновь и вновь выполнять те же несколько функций, их вовсе не прельщают. Временная работа – отличный вариант, если социальный контекст благоприятный. Но если мировая экономическая система требует, чтобы все больше людей выбирали временную работу, тогда правительственным структурам следует задуматься над тем, что ставит этих людей в такое нестабильное положение.

В настоящее время временная работа – четкий показатель своего рода уязвимости. Для кого-то она может стать ступенькой для карьерного роста. Но для многих это ступень, ведущая вниз, к статусу с более низким доходом. То, что люди, измученные безработицей, соглашались на временную работу, за что ратуют многие правительственные структуры, может привести к более низкой оплате труда на многие годы (Autor, Houseman, 2010). Когда человек соглашается на работу менее статусную, вероятность того, что он сможет снова подняться по социальной лестнице или получать «приличный» доход, уменьшается, причем надолго. Возможно, для многих временная работа – необходимость, но едва ли она повышает социальную мобильность.

Еще один путь скатывания в прекариат – это неполная занятость, хитрый эвфемизм, характерный для нашей третичной экономики, в отличие от индустриальных обществ. В большинстве стран неполная занятость означает, что человек работает в должности не менее 30 часов в неделю (или получает оплату за этот период). Хотя правильнее было бы говорить о *так называемой* неполной занятости, поскольку многие из тех, кто предпочел или вынужденно согласился работать неполный день, обнаруживают, что работать приходится больше, чем они рассчитывали, а их трудовой вклад, судя по заработку, оценивается ниже. Чаще всего женщины, сошедшие с карьерной лестницы и занятые неполный день, в конце концов подвергаются большей эксплуатации, поскольку им приходится работать ради работы в неоплачиваемые часы, и даже самоэксплуатации, поскольку вынуждены работать дополнительно, чтобы сохранить за собой своего рода нишу.

Рост числа работников с неполной занятостью позволял скрывать уровень безработицы и частичной безработицы. Так, в Германии переход все большего числа людей на «мини-должности» помогал поддерживать иллюзию высокой занятости и заставил многих экономистов делать нелепые заявления о чуде немецкого рынка труда после финансового кризиса.

Другие категории, пересекающиеся с прекариатом, – это «независимые специалисты, работающие по договору» и «зависимые специалисты, работающие по договору». Приравнять их к прекариату нельзя, поскольку многие работающие по договору в какой-то степени защищены и имеют сильную профессиональную идентификацию. Первым делом на ум приходят имеющие собственное дело стоматологи или бухгалтеры. Но отличить зависимых работников на договоре от независимых не так просто, и специалисты по трудовому праву повсеместно ломали над этим головы. Велись бесконечные споры о том, в чем отличие между теми, кто предоставляет услуги, и теми, кто предоставляет работу в качестве услуг, а также между теми, кто зависит от какого-нибудь посредника, и скрытыми работодателями. В конце концов, эти различия условны и связаны с понятиями контроля, субординации и зависимости от других сторон. И все же у тех, кто зависит от других: выполняют чужие задания, которые они не в полной мере могут контролировать, – больше риск скатиться в прекариат.

Еще одна группа, связанная с прекариатом, – это растущая армия сотрудников центров телефонного обслуживания, или колл-центров. Это повсеместный, зловещий символ глобализации, электронной жизни и отчужденного труда. В 2008 году по британскому Четвертому каналу показали телевизионный документальный фильм под названием «Телефонный гнев» (“Phone Rage”) – о взаимном непонимании между сотрудниками колл-центра и рассерженными клиентами. Если верить передаче, то в среднем у жителей Великобритании один полный день ежегодно уходил на разговоры с сотрудниками колл-центров и это время неуклонно увеличивалось.

Затем идут стажеры, странный современный феномен, когда недавние выпускники вузов, студенты или даже абитуриенты работают за очень малую плату или вовсе бесплатно, выполняя мелкие офисные поручения. Некоторые французские комментаторы приравнивали прекариат к стажерам, что неточно, однако симптоматично и указывает на то, что этот феномен вызывает тревогу.

Стажерство – это потенциальный канал перехода молодых людей в прекариат. Некоторые правительства даже разработали стажерские программы как один из видов «активной» политики рынка труда, призванной скрыть масштабы безработицы. В действительности же попытки продвигать стажерство часто являются не более чем дорогостоящими, неэффективными схемами субсидирования. Административные расходы высоки, а серьезной пользы от этого никакой – ни организациям, ни самим стажерам, несмотря на все разглагольствования о том, что так молодежь привыкает к служебным порядкам и якобы учится на работе. О стажерах мы еще поговорим позже.

Итак, один из способов понять прекариат заключается в том, чтобы увидеть, как люди начинают заниматься незащищенными видами труда, которые вряд ли помогут им добиться желаемой профессиональной самоидентификации или сделать желаемую карьеру.

## Прекариатизация

Но можно посмотреть на прекариат и с точки зрения самого процесса: каким образом люди прекариатируются. Это неуклюжее слово аналогично понятию «пролетарируются», которое описывало силы, приводившие к пролетариатизации рабочих в девятнадцатом столетии. Прекариатизироваться – значит подвергаться воздействию или приобретать такой жизненный опыт, который приводит к прекариатизированному, нестабильному, существованию, когда человек живет сиюминутным, не имеет четкой самоидентификации по профессиональному признаку или ощущения, что при его работе и образе жизни он может добиться большего.

В этом отношении часть salariata понемногу скатывается в прекариат. Показателен пример легендарного японского «белого воротничка» – представителя salariata. Этот вид типичного наемного работника двадцатого века, всю жизнь работающего на одном предприятии, появился на фоне крайне патерналистской модели лейборизма, доминировавшей вплоть до начала 1980-х. В Японии (как и всюду) золоченая клетка может вскоре прекратиться в свинцовую клетку – при таких мощных гарантиях занятости все, что снаружи, становится зоной страха. Именно это и произошло в Японии и других странах Юго-Восточной Азии, перенявших схожую модель. Уход из компании или организации стал рассматриваться как признак неуспеха, потеря лица. В таких обстоятельствах личные амбиции уступают место мелочному приспособленчеству, зависимости от тех, кто находится выше по служебной иерархии.

В Японии в этом смысле дошло до крайностей. Компания стала считаться буквально второй семьей, а трудовые отношения – «контрактно-родственными», подразумевалось, что работодатель как бы «усыновляет» наемного работника и в свою очередь ждет от него добровольного подчинения, а в качестве исполнения сыновнего долга – усердного труда в течение десятилетий. В результате возникла культура сверхурочной работы и крайняя степень самопожертвования – *кароси*, смерть от переутомления на работе (Mouer, Kawanishi, 2005). Но с начала 1980-х доля японской рабочей силы в salariata резко сократилась. Те, кто все еще держался, испытывали давление, многих заменили сотрудники помоложе или женщины, не имеющие таких же гарантий занятости. Прекариат вытесняет salariata, и его страдания мы видим по тревожному росту числа самоубийств и социальных недугов.

Трансформация, которую претерпел класс служащих (salariata) в Японии, возможно, крайность. Но можно понять, как человек, психологически пойманный в ловушку долгосрочной трудовой занятостью, теряет контроль и все больше приближается к тому или иному виду зависимости, свойственной прекариату. Если «родителя» убирают или он уже не способен или не хочет продолжать воображаемую родительскую роль, человек скатывается в прекариат, не имея навыков самостоятельности и способностей к развитию. Длительная служба может сделать человека беспомощным. Как я уже говорил в другой работе (Standing, 2009), это один из худших аспектов эпохи лейборизма.

И хотя не стоит распространять это определение слишком широко, другая черта прекариатизации – то, что следовало бы назвать фиктивной подвижностью профессиональной структуры населения, символом которой стал постмодернистский феномен «громких названий», тонко высмеянный в журнале *The Economist* (2010a). Это когда абсолютно бесперспективную унылую должность называют как-нибудь очень заманчиво, чтобы скрыть тенденцию прекариатизации. Так появляются «начальники» без подчиненных или «руководители», которые на самом деле никем не руководят. Американская профессиональная организация, естественно взявшая себе напыщенное название Международная ассоциация административных работников (раньше она называлась более скромно: Национальная ассо-

ция секретарей), сообщила, что в ее структуре более 50 профессий, в том числе «координатор приемной», «специалист по электронной документации», «служащий по распространению медийных изданий» (то есть разносчик газет), «ответственный за сбор вторичного сырья» (выбрасывающий мусор из корзин) и «консультант по санитарии» (уборщик туалетов). Но США не одиноки в своей изобретательности, такое происходит везде. Французы сейчас делают попытки называть уборщиц более престижным *techniciennes de surface*.

Журнал *The Economist* объясняет такой пышный расцвет званий рецессией после кризиса 2008 года, когда в связи с повышением уровня зарплат потребовалось заменить старые названия должностей более привлекательными, а также усложняющимся внутренним устройством многонациональных корпораций. Но это не просто недавний всплеск любви к гиперболам. Это отражение роста прекариата, при котором надуманные символы профессиональной мобильности и личного развития маскируют унылую ничтожность самой работы. Сглаженные профессиональные структуры прикрываются кричащими названиями. *The Economist* так пишет об этом:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.